

Московский театр

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Кто не любит театра, кто не видит в нем одного из живейших наслаждений жизни, чье сердце не волнуется сладостным, трепетным предчувствием предстоящего удовольствия при объявлении о бенефисе знаменитого артиста или о постановке на сцену произведения великого поэта? На этот вопрос можно смело отвечать: всякий и у всякого, кроме невежд и тех грубых, черствых душ, недоступных для впечатлений искусства, для которых жизнь есть непрерывный ряд счетов, расчетов и обедов. Посмотрите, какое движение на этой прекрасной площади, у этого величественно-грациозного дома, похожего на греческий храм:¹ к нему тянется ряд карет и дрожек всех родов, включая сюда и кулачки смиренных *ванек*;² к нему приливают толпы пешеходов. Тут все полы, все возрасты, все сословия. Один спешит занять свои кресла в первом ряду, а другой поскорее захватить получше местечко на скромных скамеечках; тут идет великолепное семейство, состоящее из трех или четырех человек, занять свою ложу в бельэтаже, а рядом с ним идет целая толпа плащей и манто, шляп и шляпок "всех возрастов, считая от тридцати до двух годов"³, занять свою ложу в третьем ряду. Это обыкновенно чиновническое или купеческое семейство, а иногда и два, если не три: они *сложились* и взяли ложу. А вот дюжий работник, мастеровой, гризетка жмутся в толпе и толкают друг друга, чтобы прежде других получить билет в раек за свой трудовой, кровный гривенник. Все они будут в разных местах, но всех их привлек сюда один интерес, и все они будут видеть и слышать *одно*, и всякий по-своему насладится этим *одним*.

Давно ли -- этому прошло с небольшим разве 50 лет, как Сумароков горько жаловался, в предисловии к своему "Димитрию Самозванцу", на невежественность публики его времени. "Вы, путешественники, -- восклицает он, -- бывшие в Париже и в Лондоне, скажите: грызут ли там во время представления драмы орехи; и когда представление в пущем жаре своем, секут ли поссорившихся между собою пьяных кучеров ко тревоге всего партера, лож и театра?"⁴ -- Прочтя эту наивную жалобу человека, которого некоторые помнят еще в лицо, как не скажешь с Грибоедовым:

Свежо предание, а верится с трудом!⁵

Мало того, что через полвека после этого блаженного времени не только столичная, но даже публика последнего уездного городка чужда всякого подрбного упрека -- она уже понимает и любит Шекспира, и драмы его ставит выше всех произведений драматического искусства. Теперешняя публика знает о Сумарокове по одной наслышке или по воспоминанию и глубоко заснула бы от прекрасных "трагедий" Озерова, так глубоко, что только одно магическое имя Шекспира заставило бы ее проснуться. Какой прогресс!

В России любят театр, любят страстно. Заезжая труппа актеров, один приезжий столичный актер может пробудить сильное движение и в умах, и в сердцах, и в карманах губернского или уездного города. Театр имеет для нашего общества какую-то непобедимую, фантастическую прелесть. И между тем слышны беспрестанные жалобы на холодность и равнодушие нашей публики к театру. Отчего же это противоречие? Кто прав, кто виноват?

У нас есть таланты, и таланты блестящие -- об этом никто не спорит; но число этих талантов слишком не так велико, чтоб их доставало на каждую пьесу. Обыкновенно бывает так, что из десяти действующих лиц -- три, много четыре таланта и шесть решительных бездарностей. От этого нет никакой общности в игре, а без общности -- что за очарование? Без нее представление -- кукольная комедия.

Вот причина холодности нашей публики, и причина глубоко основательная.

Но точно ли дело в таком виде, как оно представляется нам? Посмотрим.